

УДК 316.34:323.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9

Оригинальная статья

Гегер А. Э.¹
 Антончева О. А.²
 Ляшко С. В.³
 Кузнецова Е. И.⁴

Российская государственная семейная политика
 в региональном измерении: материальные стимулы
 и ценностные ориентации молодого поколения

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации,
 Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
 Средний проспект В. О., дом 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия

¹geger-ae@ranepa.ru

²antoncheva-oo@ranepa.ru

³lyasho-sv@ranepa.ru

⁴kuznetsova-ei@ranepa.ru

Аннотация. *Актуальность.* Несмотря на существующий комплекс мер, рождаемость в России остается значительно ниже уровня простого воспроизводства. Действующая модель государственной семейной политики сфокусирована на материальных стимулах, что является необходимым, но недостаточным условием для решения демографических задач. Цель статьи заключается в описании и анализе реализации государственной семейной политики на региональном уровне в увязке с ценностными ориентациями молодежи, ее семейными и репродуктивными установками. *Научная проблема* заключается в несоответствии реализуемой материально-ориентированной модели государственной семейной политики в Российской Федерации ценностному разнообразию современной молодежи. *Методы.* Был применен анализ нормативно-правовых источников, а также социологический опрос среди молодежи. *Научные результаты.* Проведенный анализ продемонстрировал, что модель семейно-демографической политики в России сосредоточена преимущественно на материальных стимулах для поддержки рождаемости среди молодежи. При этом, выявлена значимая взаимосвязь между репродуктивными установками и ценностными ориентациями молодых людей. Лишь около трети (34,8%) молодых людей ориентированы на традиционные семейные ценности, в то время как большинство (около двух третей) склонны к приоритету свободы, независимости, творчества и самореализации. *Выводы.* Молодежь – неоднородная социальная группа с разной мотивацией и реакцией на внешние стимулы. Понимание ценностно-мотивационных установок различных категорий молодежи (по ориентированности на создание семьи, количество детей и т.д.) позволяет адаптировать социальные механизмы и стратегии государственной политики более эффективно, формировать устойчивые репродуктивные установки и поддержку семейных ценностей среди молодого поколения.

Ключевые слова: семейная политика; репродуктивные установки; ценностные ориентации; семейно-демографическая политика

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС 1.7-2026-1.

Информация для цитирования: Гегер А. Э., Антончева О. А., Ляшко С. В., Кузнецова Е. И. Российская государственная семейная политика в региональном измерении: материальные стимулы и ценностные ориентации молодого поколения // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 1. С. 169-184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

Original article

Alexey E. Geger¹
Olga A. Antoncheva²
Svetlana V. Lyashko³
Ekaterina I. Kuznetsova⁴

**Russian state family policy in the regional dimension:
material incentives and value orientations
of the young generation**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North-west Institute of Management, RANEPА,
57/43 Sredny Ave. V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia

¹geger-ae@ranepa.ru

²antoncheva-oa@ranepa.ru

³lyashko-sv@ranepa.ru

⁴kuznetsova-ei@ranepa.ru

Abstract. *Relevance.* Despite the existing set of measures, the birth rate in Russia remains significantly below the level of simple reproduction. The current model of state family policy focuses on material incentives, which is a necessary but insufficient condition for addressing demographic issues. The purpose of this article is to describe and analyze the implementation of state family policy at the regional level in relation to the value orientations of young people, their family and reproductive attitudes. *The scientific problem* lies in the discrepancy between the current material-oriented model of state family policy in the Russian Federation and the value diversity of modern youth. *Methods.* An analysis of regulatory, as well as a sociological survey among young people, were used. *Scientific results.* The analysis demonstrated that the model of family and demographic policy in Russia focuses primarily on material incentives to support the birth rate among young people. At the same time, a significant relationship between reproductive attitudes and the value orientations of young people was revealed. Only about a third (34.8%) of young people are oriented toward traditional family values, while the majority (about two-thirds) prioritize freedom, independence, creativity, and self-realization. *Conclusions.* Young people are a heterogeneous social group with varying motivations and responses to external stimuli. Understanding the value and motivational attitudes of different categories of youth (based on their focus on starting a family, the number of children they want, etc.) allows us to more effectively adapt social mechanisms and public policy strategies, fostering sustainable reproductive attitudes and support for family values among the younger generation.

Keywords: family policy; childbearing attitudes; value orientation; family and demographic policy

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА State Assignment Research Programme 1.7-2026-1.

Information for citation: Geger, A. E., Antoncheva, O. A., Lyashko, S. V., Kuznetsova, E. I. (2026), "Russian state family policy in the regional dimension: material incentives and value orientations of the young generation", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (1), 169-184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

Введение (Introduction). Меры поддержки семей в России в последние годы переживают смену форматов и инструментов: завершение национального проекта «Демография» в 2025 г. и запуск новых нацпроектов «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь России» сместили акцент с отдельных мер на комплексную поддержку семейных траекторий – от планирования рождения детей до совмещения ухода, образования и занятости. Санкт-Петербург, Ленинградская область, другие регионы, действуя в русле федеральных установок и региональных концепций демографической политики, сформировали многоуровневую систему мер: от расширенного материнского (семейного) капитала и семейной ипотеки до адресных выплат, льгот в транспорте и бесплатной юридической помощи, а также новых инициатив для студенческих и многодетных семей (комнаты матери и ребенка в вузах, услуга «социальная няня», пункты проката предметов ухода, компенсации обучения и выплаты на погашение ипотеки при рождении третьего ребенка и пр.).

Вместе с тем, как показывают российские и зарубежные исследования (Паршина, 2013; Nuczewska, Kruk, Mynarska, 2025), институциональные стимулы сами по себе не гарантируют повышения рождаемости. Решения о браке и деторождении формируются под влиянием не только объективных условий (доход, жилье, доступность услуг), но и субъективных ценностных ориентиров, жизненных приоритетов и представлений о «нормальности» семейных ролей.

Кроме того, более выраженная ориентация на ценность традиции связана с более позитивным отношением к деторождению. Напротив, акцент на самостоятельности может приводить к откладыванию рождения детей и меньшей готовности к родительству. Поэтому ценностный профиль выступает важным посредником между семейной политикой и

личными решениями (Tartakovsky, Mizrahi, 2025).

Настоящее исследование ставит целью описать и проанализировать реализацию государственной семейной политики в конкретном регионе в увязке с ценностными ориентациями молодежи и их репродуктивными установками. В качестве эмпирического объекта нами рассматривается город федерального значения Санкт-Петербург. Санкт-Петербург по динамике рождаемости, брачности, возрастной структуре и уровню образования повторяет общероссийские тенденции (Незнанова, 2025). Это позволяет рассматривать результаты анализа региональных процессов как основу для масштабирования на федеральный уровень.

Термин «семейная политика» нередко используется в контексте демографической политики государства. Демографическая политика включает меры по регулированию воспроизводства населения и миграции, тогда как семейная политика направлена на улучшение условий жизни и функционирования семьи. Из-за тесной связи этих сфер часто используют объединенный термин «семейно-демографическая политика».

Методология и методы (Methodology and Methods). *Обзор литературы и теоретическая рамка.* В актуальном исследовательском дискурсе о репродуктивных установках и репродуктивном поведении представлено множество российских ученых: О. А. Александрова (Александрова, 2024: 107-119), А. А. Вяльшина (Вяльшина, 2022: 176-188), С. Ю. Сивоплясова (Сивоплясова, 2022: 223-242), И. А. Гареева (Гареева, 2023: 101-110), А. О. Макаренцева и др. (Макаренцева, Галиева, Рогозин, 2021: 492-515), И. Б. Назарова, М. П. Зеленская (Назарова, Зеленская, 2017: 555-567), Н. В. Овчинникова (Овчинникова, 2024: 202-217), Н. М. Попова и др. (Попова, Попов, Иванова, 2025), Т. К. Ростовская и др. (Ростовская, 2020, 2021, 2022, 2025),

А. Ш. Сененко и др. (Сененко, Армашевская, Соколовская, Шелгунова, 2024: 74-81), С. В. Соболева и др. (Соболева, 2008, 2016, 2023), В. А. Филиппенко (Филиппенко, 2024: 147-167) и мн. др.

В России наиболее заметна дискуссия между сторонниками теории демографического перехода и институционального подхода. А. Г. Вишневский обосновал теорию перехода (Вишневский, 1986, 2005), однако М. А. Клупт (Клупт, 2008) подверг ее критике, приведя эмпирические аргументы в пользу институционального объяснения. Полемический обмен публикациями уточнил теоретические основания анализа демографических изменений и выявил нерешенные вопросы динамики рождаемости и смертности. В свою очередь, В. Г. Семенова обосновывает рост смертности населения трудоспособного возраста и низкую рождаемость не только демографическими «волнами», а проблемами в сфере социально-экономического жизнеобеспечения и деструктивными процессами в здравоохранении, определяя их в качестве социальных детерминант (Семенова, 2006).

Т. К. Ростовская и соавторы подчеркивают необходимость комплексной, межведомственной семейной политики, сочетающей денежные и неденежные меры, и переход к проактивному назначению поддержки по «жизненным ситуациям». Ключевым направлением признается приоритизация раннего детства (0–3): расширение инфраструктуры присмотра, кадровое обеспечение и вариативные формы ухода дают наибольший эффект для человеческого капитала и занятости родителей (Ростовская, 2020, 2021, 2022, 2025).

С. В. Соболева рассматривает семейную политику через призму детской бедности и неравенства, отмечая, что важна не только рождаемость, но и снижение рисков для детей. По ее

выводам, денежные выплаты дают лишь краткосрочный эффект, тогда как устойчивые результаты обеспечивают услуги – доступные ясли и детсады, программы раннего развития, поддержка уязвимых семей. Главным препятствием для рождения второго и третьего ребенка остаются жилищные условия, поэтому ключевыми мерами становятся семейная ипотека, социальное жилье и целевые жилищные субсидии. (Соболева, 2008, 2016, 2023).

Зарубежными исследователями накоплен также обширный корпус научных работ на эту тему. Учитывая ограниченный объем статьи, обратимся к результатам уже проведенного мета-анализа. Энн Готье (Gauthier, Stuart, 2025) обобщает данные из более чем 200 исследований о влиянии семейной политики на рождаемость. Готье и соавторы приходят к выводу, что прямой прирост квантовой рождаемости в странах с низкой фертильностью невелик – примерно 0,1-0,2 ребенка на женщину. Поэтому «успех» политики нужно измерять шире: снижением бедности семей с детьми, компенсацией расходов на воспитание, поддержкой занятости родителей, укреплением гендерного равенства, развитием детей и возможностью реализовать фертильные планы. Наибольший эффект дают стабильные, ориентированные на права семей комплексы мер, согласованные с национальными институтами и социальными нормами.

В качестве теоретической рамки мы выбрали концепции Рона Лестэга (Lesthaeghe, 1983) и Дирка Ван де Каа (Van de Kaa, 2002), а также концептуальные модели семейной политики Г. Эспин-Андерса (Esping-Andersen G., 1999). Лестэг и Ван де Каа в 1986 году предложили концепцию второго демографического перехода. Она описывает изменения в семейном и репродуктивном поведении западноевропейских обществ после стабилизации низкой рождаемости и

смертности. В основе этих сдвигов лежат культурные и ценностные изменения – индивидуализация, секуляризация, рост постматериалистических ориентаций. В результате решения о браке и деторождении все чаще основываются на стремлении к самореализации и качеству жизни, а не на семейных нормах или экономических мотивах, что изменяет традиционные жизненные траектории.

Г. Эспинг-Андерсен выделил три модели социальной политики, характерные для государств всеобщего благосостояния – либеральную, консервативную (корпоративистскую) и социал-демократическую (Esping-Andersen, 1990; 1999). Принадлежность страны к определенному типу во многом задает ее инструменты поддержки семьи.

Материалы и методы. При изучении мер демографической и семейной политики был применен анализ нормативно-правовых источников. При исследовании факторов, влияющих на мотивацию молодых людей к созданию семьи и рождению детей – анализ результатов опроса среди петербургской молодежи в возрасте 14-35 лет. Общий объем выборки составил 401 чел. Выборка репрезентативна по полу и возрасту как связанным признакам. Опрос проводился в Санкт-Петербурге в июне – июле 2025 г.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ мер семейно-демографической политики в Российской Федерации показывает, что в ее реализации используется программно-целевой подход. В 2024 году завершились национальные проекты¹, среди которых особое значение имел нацпроект «Демография». В его состав входил федеральный проект «Помощь семьям при рождении детей», который в 2020 году расширил возможности семей: материнский капитал стал доступен уже при рождении первого ребенка, были улучшены условия оформления семейной

ипотеки, а также обеспечена возможность бесплатного прохождения ЭКО при отсутствии естественной беременности.

С 2025 года начали действовать новые национальные проекты. Нацпроекты «Семья», «Продолжительная и активная жизнь» и «Молодежь России» напрямую связаны с реализацией семейно-демографической политики. Одной из приоритетных задач проекта «Семья» является улучшение демографической ситуации, поддержка рождаемости и многодетных семей. В проект включены направления, связанные с совершенствованием мер поддержки семей с детьми, укреплением репродуктивного здоровья, улучшением жилищных условий, развитием социальных услуг для старшего поколения, созданием условий для совмещения обучения и воспитания детей. Особое внимание уделяется дополнительным стимулам для рождения вторых и последующих детей и укреплению института семьи. Проект включает пять федеральных направлений: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение» и «Семейные ценности и инфраструктура». Меры предыдущего проекта – материнский капитал, ипотека, единое пособие, развитие дошкольной инфраструктуры – сохранены и расширены. В числе нововведений появилась системная поддержка студенческих семей: в вузах создаются комнаты матери и ребенка, организуются группы кратковременного пребывания детей для совмещения учебы и родительства.

Программы демографического развития субъектов РФ формируются на основе методических рекомендаций для органов исполнительной власти². Это

¹ Официальный сайт национальных проектов РФ. URL: <https://clck.ru/3SK4o5> (дата обращения: 27.12.2025).

² Методические рекомендации Министерства труда и социальной защиты РФ от 24.10.2012 «По разработке региональных программ демографического развития» // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70257176/> (дата обращения: 27.12.2025).

позволяет согласовать действия регионов в сфере регулирования и развития демографических процессов.

В Санкт-Петербурге мероприятия реализуются в рамках региональной Концепции демографической политики до 2025 года³. В числе ключевых направлений работы – снижение смертности, повышение рождаемости и эффективности родовспоможения, укрепление здоровья населения и формирование мотивации к здоровому образу жизни. Меры по поддержке рождаемости направлены на повышение экономической самостоятельности семей, развитие системы государственной помощи, расширение жилищных возможностей и формирование ценности семейного образа жизни.

На основе анализа положения детей и семей с детьми в Санкт-Петербурге регулярно внедрялись дополнительные региональные меры поддержки. Они актуализировались с учетом изменений федерального и регионального законодательства. Так, с 2025 года в Санкт-Петербурге внедрено шесть новых мер федерального перечня, нацеленных на поддержку молодых, студенческих и многодетных родителей. Среди них – создание комнат матери и ребенка в образовательных организациях, единовременная выплата 100 тысяч рублей студенткам-очницам при постановке на учет по беременности, открытие пунктов проката вещей для новорожденных для нуждающихся семей, услуга «Социальная няня» для помощи родителям.

Российская система социальной политики, таким образом, демонстрирует признаки движения к консервативной модели (в типологии Г. Эспинг-Андерсена), что подтверждается адресными мерами поддержки (например,

целевые выплаты малоимущим) и конституционными поправками, усиливающими гарантии.

Несмотря на то, что социально-экономические условия могут влиять на уровень рождаемости, говорить о прямой и однозначной зависимости нельзя. Экономические показатели не всегда становятся ключевым фактором репродуктивного поведения, и при анализе динамики рождаемости необходимо учитывать и другие влияющие условия.

В ходе исследования была выявлена связь между ценностными ориентациями и репродуктивными установками молодежи. На основе статистического анализа удалось выделить четыре группы респондентов в зависимости от их ценностных установок и описать соответствующие профили.

Важно отметить, что выделенные ценностные типы рассматриваются не как самостоятельная цель исследования, а как объясняющая основа для изучения семейных и репродуктивных установок. После редукции массива ценностных суждений до четырех факторов полученные ценностные типы были сопоставлены с установками, отражающими готовность к браку и родительству, желаемое число детей и допустимость бездетности. Это позволило выявить, какие ценностные ориентации статистически чаще связаны с установками на раннее или позднее родительство, а также на малодетность или многодетность.

Для выделения ценностных профилей были использованы три аналитические процедуры: факторный анализ методом главных компонент, процедура классификации и анализ стандартизированных остатков. Факторный анализ применялся для того, чтобы свести большое количество высказываний, характеризующих ценностные ориентации молодежи, к ограниченному числу обобщенных категорий – факторов. Каждый фактор объединяет те ценностные суждения,

³ Концепция демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 года. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=131128515&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 27.12.2025).

которые чаще всего разделяются одними и теми же респондентами. В данном случае

такие факторы можно интерпретировать как метаценности.

Результаты факторного анализа

Таблица 1

Table 1

Results of factor analysis

Ценностные установки / Value orientations	Компонент / Component			
	1	2	3	4
Материальный достаток, благополучие / Material prosperity, welfare	-,007	-,735	,006	-,015
Власть, возможность руководить / Authority, the capacity to govern	,376	-,152	-,533	-,322
Дружба, общение / Friendship, communication	-,166	,052	,062	,667
Семья / family	-,386	-,073	,547	-,183
Уважение со стороны других / Respect from others	,482	,095	-,219	-,116
Популярность / Popularity	,562	,038	-,192	,049
Престиж профессии / Prestige of the profession	,510	,011	-,079	-,234
Здоровье, хорошее самочувствие / Health, well-being	-,258	-,178	,433	-,316
Творчество / Creativity	-,022	,629	-,093	,119
Общественное признание / Public recognition	,757	-,064	,231	,124
Свобода и независимость / Freedom and independence	,044	-,144	-,033	,669
Любовь, романтические отношения / Love, romantic relationships	,048	,074	,716	,109
Гармония с природой, окружающей средой / Harmony with nature, the environment	,159	,492	,308	-,050
Труд, возможность приносить пользу людям / Work, the opportunity to benefit people	-,004	,545	-,005	-,296

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

Результаты факторного анализа представлены в Таблице 1 в виде матрицы компонентов факторной модели. В ней приведены коэффициенты корреляции, отражающие связи между переменными исходного массива данных и компонентами факторной модели. В результате анализа было выделено четыре фактора, которые в совокупности объясняют 44,6% общей дисперсии.

Первый фактор, объясняющий 16% общей дисперсии и являющийся наиболее значимым, включает следующие показатели: уважение со стороны других (0,482), популярность (0,562), престиж профессии (0,510) и общественное признание (0,757). Все показатели имеют

положительные факторные нагрузки. Во второй фактор, объясняющий 12% общей дисперсии, вошли показатели: материальный достаток и благополучие (-0,735), творчество (0,629), гармония с природой и окружающей средой (0,492), а также труд как возможность приносить пользу людям (0,545). Следует отметить, что показатель материального достатка имеет отрицательную факторную нагрузку. Третий фактор, объясняющий 9% общей дисперсии, включает показатели: власть и возможность руководить (-0,533), семья (0,547), здоровье и хорошее самочувствие (0,433), любовь и романтические отношения (0,716). Показатель, связанный с властью и

руководством, также имеет отрицательную факторную нагрузку. Четвертый фактор, объясняющий 8% общей дисперсии, объединяет показатели дружбы и общения (0,667), а также свободы и независимости (0,669). Оба показателя имеют положительные факторные нагрузки.

На основании полученных результатов были выделены четыре метаценности, которые условно обозначены следующим образом: лидерство, творчество и самореализация, традиционные семейные ценности, а также индивидуализм.

Следующей задачей исследования было выявление респондентов, относящихся к каждому из выделенных ценностных типов. Для этого была использована процедура классификации, позволяющая распределить участников исследования по группам в зависимости от выраженности соответствующих факторных признаков. Это позволило проанализировать социально-демографические

характеристики респондентов, а также их семейные, брачные и репродуктивные установки в рамках каждой группы. В результате были сформированы четыре ценностные группы, получившие условные названия «Лидеры», «Творцы», «Семейные» и «Индивидуалисты». Численность групп «Индивидуалистов» и «Семейных» оказалась примерно одинаковой – 31,9% и 34,8% соответственно.

Для того чтобы устранить смысловой разрыв между ценностными ориентациями и репродуктивными установками, мы сопоставили выделенные ценностные группы с рядом показателей брачно-семейных планов и отношения к детности. В Таблице 2 представлены доли респондентов, выбравших отдельные формулировки, которые наиболее отчетливо дифференцируют группы. Эти различия позволяют интерпретировать ценностные метаориентации как основу неоднородности репродуктивных стратегий молодежи.

Таблица 2

Брачно-семейные и репродуктивные установки молодежи в ценностных группах

Table 2

Marital, family and reproductive attitudes of young people in value groups

	Лидеры / leaders	Творцы / creators	Семейные / family people	Индивидуалисты / individualists
Планы на создание семьи / Plans to start a family				
Нет, не планирую, но все возможно / No, I don't plan to, but anything is possible	17,7%	7,0%	7,6%	13,6%
Нет, точно не планирую / No, I definitely don't plan to	6,6%	4,8%	1,6%	4,4%
Брачные установки				
Семья определенно не важна / Family is definitely not important	9,1%	7,0%	4,7%	8,4%
Репродуктивные установки / Marriage arrangements				
Дети создают проблемы с соседями и обществом / Children cause problems with neighbors and society	19,5%	14,0%	12,9%	16,6%
Отношение к многодетности / Attitude towards large families				
Многодетная семья – это бедная семья / A large family is a poor family	33,1%	18,7%	15,8%	22,9%

Многодетная семья – это семья, которая живет на пособия от государства / A large family is a family that lives on government benefits	32,4%	20,0%	20,0%	24,4%
Желаемое число детей / Desired number of children				
Один / one	34,2%	29,8%	28,4%	30,2%
Двое / two	35,5%	36,3%	38,1%	35,3%
Трое / three	9,3%	12,5%	14,3%	10,3%
Четверо и более / four and more	3,9%	6,4%	5,8%	3,8%
Не планируют иметь детей / Do not plan to have children	11,4%	8,3%	4,8%	10,1%

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors

В частности, группа «Семейные» демонстрирует более выраженную ориентацию на двух и более детей и меньшую долю заявляющих отказ от деторождения, тогда как среди «Лидеров» и «Индивидуалистов» чаще встречаются установки на бездетность/малодетность и более проблематизирующее восприятие многодетности (как бедности или зависимости от пособий). Рассмотрим более подробно профили каждой группы.

Профиль 1: «Лидеры».

Ценности и установки. Лидеры ориентируются на статус, признание, престиж и влияние. Важны общественное уважение, популярность, профессиональный престиж и возможность руководить. Для них приоритетны карьерные достижения и социальный успех; в семейных установках – материальный достаток и общественное положение.

Семейные и брачные установки.

Лидеры склонны откладывать брак до профессиональной или финансовой стабильности. Среди них больше официально женатых, но также заметна доля одиноких, что отражает стремление к автономии.

Отношение к детям. Дети

воспринимаются как показатель ответственности и социального статуса. При этом чаще наблюдается установка на

отсутствие детей или на одного ребенка, что согласуется с карьерной ориентацией.

Материальное положение и образование. Лидеры чаще имеют высшее образование, работают или совмещают работу с учебой. Среди них меньше безработных. Доходы позволяют покупать товары длительного пользования, но крупные траты даются сложнее; самооценка материального положения более критична.

Гендер, возраст и отношение к семейной политике. В группе больше мужчин, особенно 14-19 лет. Лидеры чаще связывают многодетность с бедностью и зависимостью от государства, реже испытывают гордость за нее, но поддерживают материальные меры поддержки семьи. В целом это амбициозные, ориентированные на успех респонденты, для которых семья важна, но не всегда первоочередна.

Профиль 2: «Творцы».

Ценности и установки. Творцы ориентированы на самореализацию, творчество, гармонию и гуманистические ценности. Для них важнее нематериальные аспекты и социальная польза, чем статус или доход.

Семейные и брачные установки.

Предпочитают вступать в брак после завершения обучения или при появлении «своего» партнера. Материальные требования минимальны. Считают

важными равноправие и эмоциональное качество отношений, допускают низкую значимость официальной регистрации.

Отношение к детям. Дети воспринимаются как источник радости и вдохновения, а не социальный инструмент. Поддерживают развитие детского потенциала и качественную медицину. Многодетность редко связывают с бедностью или зависимостью.

Материальное положение и образование. Среди творцов больше студентов и совмещающих учебу с работой. Доходы – средние, без стремления к избыточному потреблению.

Гендер и отношение к семейной политике. Чаще представлены женщины 20-29 лет; мужчины в этой группе меньше ориентируются на официальный брак. Творцы поддерживают инфраструктурные и мягкие меры семейной политики и не принимают карательные подходы.

Для творцов семья – пространство личностного роста, а не социальное обязательство.

Профиль 3: «Семейные».

Ценности и установки. На первом месте семья, любовь, здоровье и поддержка. Важны стабильность и традиционные роли.

Семейные и брачные установки. Брак предпочитают после встречи подходящего партнера или окончания учебы. Официальная регистрация значима. Многие уже состоят в браке или планируют его в ближайшее время.

Отношение к детям. Дети – радость, ответственность и фактор укрепления семьи. Чаще желаемы двое и более детей. Идеал – отношения с уважением и взаимопониманием. Большинство выросло в полных семьях и считает родительство естественной нормой.

Материальное положение и образование. В этой группе преобладает среднее и среднее профобразование. Часто встречаются домохозяйки и родители в отпуске по уходу за ребенком. Доходы стабильные: доступны основные и долговечные товары, но крупные траты делаются реже.

Гендер и отношение к семейной политике. Преобладают женщины 25-35 лет; мужчины более традиционны. Позитивно относятся к многодетности, поддерживают материальные меры и подчеркивают важность морального воспитания.

Это традиционалисты, ориентированные на стабильность и общее благополучие.

Профиль 4: «Индивидуалисты».

Ценности и установки. Индивидуалисты ценят свободу, независимость, личную автономию и дружеские связи; стремятся сами определять жизненный путь и избегать социального давления.

Семейные и брачные установки. Склонны не спешить с браком, допускают отсутствие официальной регистрации или отказ от семьи; видят в семье пространство личной свободы, а не социальный долг.

Отношение к детям. Чаще ограничиваются одним ребенком или не планируют детей; подчеркивают, что решение о детности – личное дело и не должно быть предметом общественного давления.

Материальное положение и образование. Высока доля продолжающих обучение и совмещающих учебу с работой. Доходы средние, нередко с материальными трудностями.

Гендер и отношение к семейной политике. Преобладают юноши 14-19 лет и женщины, ориентированные на карьеру и свободу; чаще опыт неполной семьи. Индивидуалисты поддерживают развитие детской инфраструктуры, но не считают многодетность социальной нормой. Для них семья и дети – опция самореализации, а не обязательный проект.

Таким образом, репродуктивный выбор и решение о создании семьи не могут быть редуцированы исключительно к рационалистической модели в логике «затраты – выгода». Как подчеркивает Р. Лестэг, данная парадигма является необходимой, но недостаточной для объяснения демографического поведения

(Lesthaeghe, 1983). Экономические стимулы и монетарные инструменты государственной политики, безусловно, оказывают влияние на репродуктивные стратегии, однако они действуют в контексте более широких ценностных трансформаций. «Нет оснований полагать, что такие идейные системы остаются постоянными во времени или единообразными для разных людей» (Lesthaeghe, 1983). Следовательно, анализ репродуктивного поведения требует учета социокультурной динамики, включая трансформацию установок в отношении брака, родительства, гендерных ролей и жизненных приоритетов.

В этих условиях государственная семейная политика должна быть контекстуально чувствительной и соотнесенной с конкретной исторической «эпохой», формирующей ценностный профиль молодежи. Меры поддержки не могут быть универсальными и инвариантными: их эффективность напрямую связана со степенью соответствия актуальным установкам и ожиданиям конкретных поколенческих когорт.

Заключение (Conclusions).

Проведенный нами анализ показал, что реализующаяся сегодня модель семейно-демографической политики в Российской Федерации сохраняет основной фокус внимания на монетарно-материальных методах мотивации и стимулирования молодых людей к рождению детей.

Существует взаимосвязь между репродуктивными установками молодежи и ценностными ориентациями. Группа молодежи, ориентированная на семью, составляет лишь треть (34,8%), две трети молодых людей имеют другие ценностные установки.

Таким образом, молодежь *не является однородной группой*, члены которой имеют одинаковую мотивацию и одинаково реагируют на внешние стимулы. В этой связи внешняя прямая монетарная мотивация, при всем ее стимулирующем воздействии, является

лишь необходимым, но не достаточным условием решения демографической проблемы.

Мы полагаем, что результаты проведенного исследования, с одной стороны, расширяют корпус эмпирических данных по одной из наиболее актуальных для страны проблем – трансформации репродуктивных установок молодежи. С другой – сформулированные выводы могут быть использованы при разработке и корректировке мер государственной политики, направленной на стимулирование рождаемости. Проведенная нами диагностика регионального арсенала мер поддержки семей на примере Санкт-Петербурга, а также выявленные ценностные профили молодого поколения формируют аналитическую основу для проектирования адресных государственных программ. Принципиально важным представляется включение в их структуру инструментов социального маркетинга, ориентированного на работу с установками, нормами и символическими представлениями о семье и родительстве. Опора на эмпирически выделенные ценностные типы позволит разрабатывать дифференцированные стратегии продвижения семейных и пронаталистских установок. Речь идет не о декларативном воспроизводстве «традиционных ценностей», а об их интерпретации и репрезентации в формах, релевантных различным сегментам молодежи. Такой подход повышает вероятность институционального резонанса между государственной политикой и ценностными ориентациями целевой аудитории.

Не претендуя на окончательную модель ценностной структуры молодого поколения, мы рассматриваем полученные результаты как аналитическую рамку, требующую дальнейшей верификации и уточнения

Подводя итог, отметим, что несмотря на значительное количество публикаций

по проблематике рождаемости и семейной политики, представленное исследование позволяет по-новому структурировать проблемное поле, акцентируя внимание на внутр поколенческой ценностной дифференциации и ее значении для повышения эффективности демографической политики.

Ограничения исследования.

Ограничением исследования является относительно небольшой объем выборки социологического опроса молодежи и его территориальная локализация (401 чел. – жители Санкт-Петербурга в возрасте 14-35 лет). Несмотря на то, что по показателям рождаемости, смертности, брачности, возрастной структуры и уровня образования Санкт-Петербург в целом воспроизводит общероссийские демографические тенденции, обеспечение большей репрезентативности требует увеличения численности выборки и расширения географии исследования за счет включения различных субъектов Российской Федерации. Дополнительным ограничением выступает отсутствие учета темпов трансформации ценностных ориентаций, что затрудняет анализ их динамики в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Список литературы

Александрова О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодежь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № S1. С. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119.

EDN: YXWVNE.

Вишневский А. Г. Процессы самоорганизации в демографической системе // *Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник 1985. Москва: Наука, 1986. С. 233-245.

Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. Москва: Наука, 2005. 368 с. ISBN: 5-02-033776-5.

Вяльщина А. А. Типы репродуктивных ориентаций современных студентов //

Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 176-188. EDN: ZGVPSL.

Гареева И. А. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения // *Власть и управление на Востоке России*. 2023. № 1 (102). С. 101-110. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110. EDN: JWDPOR.

Журавлева Е. К., Копцева О. А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № S1. С. 28-37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37. EDN: PABRMG.

Касьянов В. В., Манучарян А. К., Самыгин П. С. Молодая российская семья как важнейший ресурс в государственной политике // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 7. URL: <https://online-science.ru/catalogs/sociologicheskie-nauki-7-2024-g-/> (дата обращения: 27.09.2025).

Клупт М. А. Демография регионов Земли: [события новейшей демографической истории]. Москва [и др.]: Питер, 2008. 346 с. ISBN: 978-5-91180-584-5.

Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 492-515. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871.

Назарова И. Б., Зеленская М. П. Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи: ценностный аспект (обзорная статья) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2017. Т. 17, № 4. С. 555-567. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567.

Незнанова В. С. Сравнение показателей социального развития Санкт-Петербурга и России как источник поиска положительных практик управления // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 4. С. 82-94. DOI: 10.24158/tpor.2025.4.8.

Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // *Социальные и гуманитарные знания*. 2024. Том 10, № 2. С. 202-217. URL: <https://scinetnetwork.ru/articles/9733> (дата обращения: 23.09.2025).

Паршина В. В. Государственная семейная политика в отношении молодой семьи: основные принципы и направления //

Проблемы современной науки и образования. 2013. № 4 (18). С. 131-134. EDN: SCPLDZ.

Попова Н. М., Попов А. В., Иванова М. А. Характеристика семейных ценностей и репродуктивные установки студентов медицинского вуза // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2025. Т. 71, № 1. С. 10. DOI: 10.21045/2071-5021-2025-71-1-10.

Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования / Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А., Азарова Е. С. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35-50. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.

Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование / Сененко А. Ш., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Шелгунов В. А. // Профилактическая медицина. 2024. № 27 (4). С. 74-81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.

Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 3. С. 184-199. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.10.

Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России. Москва: Изд-во Юрайт, 2020. ISBN: 978-5-534-13287-8.

Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 121-129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129.

Ростовская Т. К., Ситковский А. М. Многолетняя многопоколенная семья как ключевой ресурс новой долгосрочной стратегии демографического развития России // Вестник российской академии наук. 2025. № 4. С. 63-74. DOI: 10.7868/S3034520025040127. EDN: EGFZ IS.

Семенова В. Г. Демографический Кризис в России с позиций обратного эпидемиологического перехода. Автореф. дис. ...докт. экон. наук, ФГУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации

здравоохранения Росздрава». Москва. Российская Федерация. 2006.

Сененко А. Ш., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Шелгунов В. А. Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование. Профилактическая медицина. 2024. № 27 (4). С. 74-81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.

Сивоплясова С. Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15, № 1. С. 223-242. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Многодетность в России: состояние и перспективы // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2018. № 2 (88). С. 83-94. EDN: OVBJSL.

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142-153. EDN: XIRSQR.

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в России в условиях депопуляции // Регион: экономика и социология. 2023. Т. 1. С. 138-169. DOI: 10.15372/REG20230105.

Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 147-167. EDN: JVIVEL.

Филиппенко В. А. Особенности репродуктивного поведения студенческой молодежи на примере Тамбовской области Российской Федерации // Вестник университета. 2024. № 11. С. 224-236. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-11-224-236.

Esping-Andersen G. Social foundations of postindustrial economies. – Oxford university press, 1999. 207 p. ISBN 0198742002, 9780198742005.

Esping-Anderson G. The three worlds of welfare capitalism. Polity press, 1990. 260 p. ISBN 0-7456-0665-2.

Gauthier, Anne H., Stuart, Gietel-Basten. Family policies in low fertility countries: Evidence and reflections // Population and Development Review 51.1. 2025. Pp. 125-161. DOI: 10.1111/padr.12691.

Huczewska I., Kruk K., Mynarska M. Understanding the link between parentification and desire to have children: moderating role of perceived fairness // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2025. Pp. 1-16. DOI: 10.1080/02646838.2025.2480388.

Lesthaeghe R. A. century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // *Population and development Review*. 1983. Pp. 411-435. DOI: 10.2307/1973316.

Van de Kaa D. J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries // *Birth*. 2002. Vol. 35, №. 3. Pp. 1-34. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Idea-of-a-Second-Demographic-Transition-in-Kaa/17c8c2c3b43d447474107554926eb289d269c939> (дата обращения: 23.09.2025).

References

Aleksandrova, O. A. (2024), "Infantile or responsible: students about new trends in the marriage and family and reproductive spheres", *Narodonaselenie*, 27 (S1), 107-119, DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119, EDN: YXWVNE. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (1986), "Processes of self-organization in the demographic system", *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik*, Nauka, Moscow, Russia, 233-245. (In Russian)

Vishnevsky, A. G. (2005), *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected demographic works], Nauka, Moscow, Russia, ISBN: 5-02-033776-5. (In Russian)

Vyalshina, A. A. (2022), "Types of reproductive orientations of modern students", *Narodonaselenie*, 25(3), 176-188, EDN: ZGVPSL. (In Russian)

Gareeva, I. A. (2023), "Social Conditioning of the Reproductive Behavior of the Population", *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*, (1), 101-110, DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110, EDN: JWDPOR. (In Russian)

Zhuravleva, E. K. and Koptseva, O. A. (2024), "Reference points of large families in the context of the transformation of modern Russia", *Narodonaselenie*, 27 (S1), 28-37, DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37, EDN: PABRMG. (In Russian)

Kasyanov, V. V., Manucharyan, A. K. and Samygin, P. S. (2024), "The young Russian family as the most important resource in state policy", *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (7), available at:

<https://online-science.ru/catalogs/sociologicheskie-nauki-7-2024-g> -/ (Accessed 27 September 2025). (In Russian)

Klupt, M. A. (2008), *Demografiya regionov Zemli: sobytiya noveishey demograficheskoy istorii* [Demography of the regions of the Earth: events of modern demographic history], Peter, Moscow, Russia, 346, ISBN: 978-5-91180-584-5. (In Russian)

Makarentseva, A. O., Galieva, N. I. and Rogozin, D. M. (2021), "(Not) the desire to have children in the mirror of population surveys", *Monitoring public opinion: economic and social changes*, (4), 492-515, DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871. (In Russian)

Nazarova, I. B. and Zelenskaya, M. P. (2017), "Research of reproductive attitudes of student youth: a value aspect (review article)", *RUDN Journal of Sociology*, 17 (4), 555-567, DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567. (In Russian)

Neznanova, V. S. (2025), "Comparison of social development indicators of Saint Petersburg and Russia as a source for finding positive management practices", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (4) 82-94, DOI: 10.24158/tipor.2025.4.8. (In Russian)

Ovchinnikova, N. V. (2024), "Reproductive attitudes of youth", *Sotsialnye i gumanitarnye znaniya*, 10 (2), 202-217, available at: <https://scinetnetwork.ru/articles/9733> (Accessed 23 September 2025). (In Russian)

Parshina, V. V. (2013), "State family policy in relation to a young family: basic principles and directions", *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, (4), 131-134, EDN: SCPLDZ. (In Russian)

Popova, N. M., Popov, A. V. and Ivanova, M. A. (2025), "Characteristics of family values and reproductive attitudes of medical university students", *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya*, 71(1):10, DOI: 10.21045/2071-5021-2025-71-1-10. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Solovyova, N. A. and Azarova E. S. (2024), "Reproductive potential of a young family: an analysis of a sociological study", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (4), 35-50, DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3. (In Russian)

Senenko, A. Sh., Armashevskaya, O. V., Sokolovskaya, T. A. and Shelgunov, V. A. (2024), "Reproductive attitudes of youth: a regional study", *Profilakticheskaya meditsina*, (27), 74-81,

DOI: 10.17116/profmed20242704174. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. and Vasilyeva, E. N. (2022), "Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth", *Ekonomicheskie i Sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 15 (3), 184-199, DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.10. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. and Knyazkova, E. A. (2020), *Molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii* [Youth policy in modern Russia], Yurait, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-534-13287-8. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. and Knyazkova, E. A. (2021), "Reproductive attitudes in Russian society: according to the All-Russian sociological research", *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, 14 (2), 121-129, DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. and Sitkovsky, A. M. (2025), "A large multigenerational family as a key resource of a new long-term strategy for Russia's demographic development", *Herald of the Russian Academy of Sciences*, (4), 63-74, DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3. (In Russian)

Semenova V. G. (2006), *Demograficheskiy krizis v Rossii s pozitsiy obratnogo epidemilogicheskogo perekhoda* [The demographic crisis in Russia from the position of the reverse epidemiological transition], abstract of D. Sc. dissertation (Economy), Moscow, Russian Federation. (In Russian)

Senenko, A. Sh., Armashevskaya, O. V., Sokolovskaya, T. A., Shelgunov, V. A. (2024), "Reproductive attitudes of young people: a regional study", *Profilakticheskaya meditsina*, (27), 74-81, DOI: 10.17116/profmed20242704174. (In Russian)

Sivoplyasova, S. Y. (2022), "Reproductive attitudes of modern youth towards having many children: patterns and contradictions", *Ekonomicheskie i Sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 15 (1), 223-242, DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.12. (In Russian)

Sigareva, E. P. and Sivoplyasova, S. Y. (2018), "Large families in Russia: state and prospects", *SOTIS – Sotsialnye tekhnologii, issledovaniya*, (2), 83-94, EDN: OVBJSL. (In Russian)

Soboleva, S. V., Smirnova, N. E. and Chudaeva, O.V (2016), "Demographic security of Russia: regional measuring instruments,

evaluation of results", *Mir novoy ekonomiki*, (4), 142-153, EDN: XIRSQR. (In Russian)

Soboleva, S. V., Smirnova, N. E. and Chudaeva O. V. (2023), "Features of changes in the number and age structure of reproductive contingents of women in Russia under conditions of depopulation", *Region: ekonomika i sotsiologiya*, (1), 138-169, DOI: 10.15372/REG20230105. (In Russian)

Soboleva, S. V., Smirnova, N. E. and Chudaeva O.V. (2008), "Demographic security of Russia and its regions: factors, problems, indicators", *Region: ekonomika i sotsiologiya*, (3), 147-167, EDN: JVIVEL. (In Russian)

Filippenko, V. A. (2024), "Features of reproductive behavior of student youth on the example of the Tambov region of the Russian Federation", *Vestnik universiteta*, (11), 224-236, DOI: 10.26425/1816-4277-2024-11-224-236. (In Russian)

Esping-Andersen, G. (1999), *Social foundations of postindustrial economies*, Oxford University Press, Oxford.

Esping-Anderson, G. (1990), *The three worlds of welfare capitalism*, Polity Press, Cambridge, ISBN 0-7456-0665-2.

Gauthier, Anne H. and Stuart, Gietel-Basten (2025), "Family policies in low fertility countries: Evidence and reflections", *Population and Development Review*, 51 (1), 125-161, DOI: 10.1111/padr.12691.

Huczewska, I., Kruk, K. and Mynarska, M. (2025), "Understanding the link between parentification and desire to have children: moderating role of perceived fairness", *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 1-16, DOI: 10.1080/02646838.2025.2480388.

Lesthaeghe, R.A. (1983), "Century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions", *Population and development Review*, 411-435, DOI: 10.2307/1973316.

Schwartz, S. H. (2005), *Basic human values: Their content and structure across countries*, in A. Tamayo and J.B. Porto (eds), *Valores e comportamentos nas organizações* [Values and behavior in organizations], Petropolis, Vozes, Brazil, 21-55.

Tartakovsky, E. and Mizrahi, M. (2025), "The motivational foundations of childbearing: Investigating relationships between childbearing attitudes, value preferences, and parental bonding", *PLoS One*, 20 (5), e0324243, DOI: 10.1371/journal.pone.0324243.

Van de Kaa, D. J. (2002), "The idea of a second demographic transition in industrialized countries", *Birth*, 35 (3), available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Idea-of-a-Second-Demographic-Transition-in-Kaa/17c8c2c3b43d447474107554926eb289d269c939> (Accessed: 23

Статья поступила в редакцию 02 февраля 2026 г. Поступила после доработки 02 марта 2026 г. Принята к печати 05 марта 2026 г. Received 02 February 2026. Revised 02 March 2026. Accepted 05 March 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Гегер Алексей Эдуардович, кандидат социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, кафедра социальных технологий, Санкт-Петербург, Россия.

Aleksey E. Geger, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of Social Technologies, Saint Petersburg, Russia.

Антончева Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, кафедра государственного и муниципального управления, Санкт-Петербург, Россия.

Olga A. Antoncheva, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of State and Municipal Administration, Saint Petersburg, Russia.

Ляшко Светлана Всеволодовна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий эксперт, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, центр социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия.

Svetlana V. Lyashko, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Expert, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Center for Sociological Research, Saint Petersburg, Russia.

Кузнецова Екатерина Игоревна, кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, кафедра государственного и муниципального управления, Санкт-Петербург, Россия.

Ekaterina I. Kuznetsova, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of State and Municipal Administration, Saint Petersburg, Russia.